

Л. Ольшки

**История научной литературы на новых
языках**

**Том 1. Литература техники и прикладных наук от
средних веков до эпохи возрождения**

УДК 82
ББК 83
Л11

Л11 **Л. Ольшки**
История научной литературы на новых языках: Том 1. Литература техники и прикладных наук от средних веков до эпохи возрождения / Л. Ольшки – М.: Книга по Требованию, 2019. – 334 с.

ISBN 978-5-458-34791-4

Работа Ольшки обладает крупными достоинствами, но в то же время изобилует и не менее крупными недостатками. Давая чрезвычайно много интереснейшего материала, характеризующего процесс зарождения основных идей, принципов и методов современного естествознания, материала, который целиком и полностью должен быть ассимилирован марксистской научной мыслью, она вместе с тем носит на себе отпечаток незаконченности, фрагментарности и крайней „импрессионистичности“...

ISBN 978-5-458-34791-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловие.

Предлагая вниманию русских читателей перевод трехтомной работы Леонарда Ольшки „История научной литературы на новых языках“, мы должны сделать несколько предварительных замечаний.

Работа Ольшки обладает крупными достоинствами, но в то же время изобилует и не менее крупными недостатками. Давая чрезвычайно много интереснейшего материала, характеризующего процесс зарождения основных идей, принципов и методов современного естествознания, материала, который целиком и полностью должен быть ассимилирован марксистской научной мыслью, она вместе с тем носит на себе отпечаток незаконченности, фрагментарности и крайней „импрессионистичности“. Особенно сильно впечатление „импрессионистичности“ дает себя знать при чтении тех частей книги, где речь идет о выводах, обобщениях и оценках. Изобилие ценнейшего материала сочетается в исследовании Ольшки с крайне поверхностными предвзятыми и скороспелыми обобщениями, что при эклектичности общего мирозерцания автора приводит зачастую к досаднейшим недоразумениям.

Немаловажную роль в таком примешивании эклектического дегтя к обильному меду ценных и убедительных фактов играет, по всей вероятности, и то обстоятельство, что, будучи по своей специальности отнюдь не естественником, а литературоведом, автор недостаточно ориентирован в теоретическом естествознании и не владеет как следует фактами истории математики и физики. Следуя, в общем, по пятам Дюгема и Маха и разделяя их ошибки, он все же позволяет себе иногда отступать от выводов последних и почти всегда, когда он это делает, он прибавляет к ошибкам своих путеводителей свои собственные.

И все же, несмотря на все эти недостатки, мы решаемся рекомендовать работу Ольшки русскому читателю. Очевидно, к подобной рекомендации должны побуждать какие-то очень веские соображения. И такие соображения действительно имеются.

Пожалуй наиболее оригинальную черту работы Ольшки составляет стремление автора подойти к научному произведению как к специфическому факту литературного порядка. Само название книги уже говорит об этом. Мы, действительно, имеем здесь попытку набросать историю научной литературы, а не самой науки.

Изолированные опыты подобного рода производились и раньше в отношении отдельных наиболее крупных мыслителей. Однако

никто не пытался подойти с литературоведческими критериями к научным произведениям целой эпохи, особенно такой интересной, как Возрождение Леонардо. Ольшки первый дерзнул предпринять такую работу. И результат, в общем, получился чрезвычайно интересный.

Литературоведческий и лингвистический анализ научного произведения, вообще говоря, может представлять большой интерес, так как способен дать совершенно новый аспект чисто научной стороны анализируемого произведения¹. Особенно большое значение такой анализ приобретает в том случае, когда объектом его становится целый ряд хронологически и тематически примыкающих друг к другу произведений, представляющих собою последовательные этапы возникновения и развития какой-либо специальной отрасли науки.

Сейчас стало уже почти трюизмом фундаментальное положение общего учения о языке, гласящее, что практическое действие, речь и мышление взаимно связаны друг с другом и в процессе своего исторического развития взаимно оплодотворяют друг друга. Спекуляции Нуаре и обширный материал, собранный и научно-осмысленный Марром и его учениками, показали, сколь важное содержание заключено в этом положении. Однако собранный и теоретически разработанный материал относится почти целиком к весьма древним эпохам и поэтому почти совершенно не касается вопросов эволюции специально научного языка и мышления. Скольнибудь основательного и систематического разбора вопросов, относящихся к истории языковых и мыслительных форм высоко развитых общественных формаций, нам не приходилось встречать. Тем более таких работ нет в отношении специально научного языка.

Работа Ольшки, разумеется, и в соютой доле не заполняет этого пробела. Прежде всего автор не яфетидолог, и даже вообще не лингвист, а только филолог и литературовед. По самому духу своей специальности он не мог отдаться разбору проблем, относящихся к общему учению о языке, или, как он сам называет это учение — философии языка. Однако бесспорная заслуга немецкого исследователя заключается уже в том, что он их хочет ставить.

Ольшки справедливо жалуется, что „в то время как филология не интересуется образованием научного языка и оформлением научной прозы, история философии, математики и естественных наук рассматривает язык как уже данное, всегда готовое к услугам и не всегда необходимое средство для выражения идей и умозаключений, а также для их передачи и распространения. В частности естественные науки, оперирующие символами и формулами, обычно рассматривают слово в его пассивной роли и не интересуются постоянными связями, существующими между понятием и его выражением. Эта точка зрения является такой же крайностью и так

¹ См., например, интересную работу Нечкиной „Литературное оформление „Капитала“ К. Маркса“, Партиздат, 1932 г.

же противоречит опыту, как и точка зрения средневековых мыслителей, которые, руководствуясь невышколенным этимологическим инстинктом, поставленным на службу познанию, пытались определить родство понятий по звуковому сходству слов¹.

Совершенно основательно отрицая правомерность подобной концепции, рассматривающей слово лишь как внешнее, пассивное и безразличное орудие мышления, Ольшки считает методологически правильным подход к истории формирования научных понятий именно через двери языка и языковых форм. Эта материалистическая установка, согласно которой мысль не может быть оторвана от своего вещественного выражения—слова, делает его исследование оригинальным и своеобразным².

„Основными элементами научной прозы,—пишет Ольшки,—являются предложение, определение, описание и доказательство. Они соответствуют логическим процессам мышления, так что содержание и выражение представляют в них одно неразрывное целое и каждая перефразировка влечет за собой впадение в субъективность... В конечном счете, научная проза есть сама наука, и поэтому в своем стремлении к объективности и однозначности выражения она а priori и принципиально исключает всякие аффективные и алогические элементы. Она допускает без ближайшего определения смысла только такие фигуры и тропы, которые стали общим языковым достоянием и, как таковые, не могут вызвать в сознании никаких образов“³.

В этих двух выписках общая методологическая схема работы Ольшки выражена достаточно ясно. Хотя позитивные построения, сделанные исследователем в процессе ее осуществления, часто грешат известной упрощенностью и производят в ряде случаев впечатление какой-то легковесности, все же, благодаря своему специфически литературоведческому подходу, немецкому автору удалось оттенить ряд таких моментов в формировании научной мысли эпохи Возрождения, которые до сего времени оставались в большинстве случаев незамеченными и недооцененными.

Наиболее интересны те страницы исследования Ольшки, которые посвящены проблеме общего конфликта между латынью—научным языком эпохи—и народным языком. Непрерывная борьба между языком науки и языком масс приняла в эпоху Возрождения особо острые формы. Интернациональным научным языком европейского средневековья была латынь. Закостенелые, омертвевшие идеологические формы феодальной культуры как бы органически слились с формами давно умершего языка. Неподвижность речи, переставшей быть живою речью народа, гармонировала с неподвижностью идеологических конструкций эпохи феодализма. Очистка варваризованной, вульгаризованной латыни гуманистами, реставрация литера-

¹ Стр. 4.

² Из историков естествознания, пожалуй, только Таннери уделял некоторое внимание вопросам языка; все же остальные, как правило, совершенно игнорировали эту сторону развития науки.

³ Стр. 221.

турных традиций античности, хотя и была большим шагом вперед, все же мало что изменила по существу. Апелляция к античности, в идейном наследстве которой гуманисты хотели отыскать уже готовые идеологические формулы, более соответствовавшие общественным сдвигам, произведенным торговым капиталом, носила все же слишком ретроспективный характер, чтобы надолго удовлетворить потребностям общественного развития. Конфликт был не разрешен, а только углублен. Цеховая наука стала говорить лишь более правильным и красивым языком и только.

Свежий воздух новых идей подул в эпоху Возрождения не со стороны цеховой науки. Оторванная от „живого беспокойства жизни“, замкнувшаяся в себе, проникнутая традиционалистическим и комментаторским духом, цеховая наука не была способна ни к какому самостоятельному движению. Развитие же производительных сил, усложнение форм общественной жизни ставило перед теоретической мыслью ряд сложнейших проблем. Общественные классы, интересы которых были кровно связаны с развитием производительных сил, не могли найти у официальной и запатентованной учености ответа на интересовавшие их вопросы. Сухая, хотя и виртуозная игра понятиями, ничем не прикрытый вербализм, полное игнорирование практики—все это глубоко претило людям, девизом которых было дело. К тому же эта официальная ученость пользовалась чуждым и непонятным языком.

Естественным последствием этого глубокого конфликта явились попытки эмансипироваться как от идейных традиций, так и от языковых форм старой науки. Начала зарождаться новая внецеховая наука, оформлявшая собою традиции мастерских и пытавшаяся использовать для этой цели кое-какие элементы прошлого научного наследства. Эта новая наука сразу же стала в резкую оппозицию к университетам, коллегиям и т. п. официальным научным учреждениям и попыталась создать свои собственные независимые научные центры в виде кружков, собраний и объединений, усвоивших себе обыкновение именоваться „академиями“. Отличительной чертой этого нового направления научной мысли была демократичность и массовость, резко противостоявшая замкнутости и отрешенности официального дипломированного ученого мира.

Демократические установки, стремление к общению с широкими кругами практиков (ремесленников, художников и т. д.) нашли себе первое выражение в том, что научные произведения всех представителей новых идей и веяний должны были использовать в качестве средства разговорный народный язык. Терминологическая бедность, отсутствие достаточных литературных традиций, неразработанность средств выражения, все это, конечно, должно было на первых порах значительно затруднять деятельность новаторов. Но история работала за них, и труды их в конце концов увенчались полным успехом.

Таким образом научная литература на народных языках, как справедливо говорит Ольшки, „возникла тогда, когда обмирщение форм жизни и жизнепонимания заставило людей привлечь отре-

шившиеся от мира науки для практического и духовного использования их и когда большинство образованных людей почувствовало себя достаточно зрелыми для участия в духовной жизни. Литература эта стала развиваться самостоятельно, критически и творчески, с тех пор как первое соприкосновение живого опыта с ученой традицией показало бесплодность книжной премудрости. Представленная в непрерывности идей и попыток, она показывает нам, как обновление научной мысли шло параллельно с обновлением всех условий жизни и мышления. Поэтому научная литература на новых языках начинается с прикладных и экспериментальных наук. Лишь перейдя границы практических потребностей, она становится способной самостоятельно найти путь к чистым научным абстракциям. Конечным пунктом этого процесса развития... являются труды Галилея и Декарта, творчество и открытия которых представляют не продолжение древних или средневековых методов исследования, а дальнейшее развитие и торжество положенной в основу идеи¹.

Ольшки приводит очень много необычайно интересного материала, характеризующего борьбу новаторов против латыни. Основная тенденция новых научных стремлений—свести науку с ее неземных высот и сделать служанкой практики—выявляется из этого материала с поразительной яркостью. Мы не будем приводить здесь иллюстрации и отошлем читателя к самой книге. Для нас важно подчеркнуть здесь лишь принципиальное значение общих установок Ольшки.

Тенденция к демократизации научного знания, стремление сделать науку широким достоянием практиков питались в эпоху Возрождения чрезвычайно мощным социальным источником. Нарождавшаяся буржуазная техническая интеллигенция не могла удовлетвориться голым эмпиризмом и рутинной старых форм производства. Она хотела доискаться рациональных теоретических принципов своей практической деятельности. А так как старая наука не ставила своей задачей обслуживание практики, то демаркационная линия между взглядами представителей новых социальных сил и идеологии прошлого наметилась сразу же.

Ольшки очень подробно освещает весь процесс формирования новых научных идей, начиная от элементарного прикладничества первых писателей Возрождения и кончая теоретически заостренными и отточенными формулами завершителей всего движения. На произведениях Франчески, Альберти, Пачиоли, Леонардо да Винчи и др. он показывает зарождение новаторских тенденций, чтобы, пройдя через популярную литературу, на произведениях Тартальи и, особенно, Галилея проследить их апогей. Фактический материал, подобранный им, и те непосредственные выводы, которые из него напрашиваются, производят впечатление чуть ли не специального развернутого доказательства правильности тех

¹ Стр. 6. Следует отметить недавно вышедшую марксистскую работу, посвященную анализу того процесса смирнения науки, о котором здесь упоминает Ольшки. Мы имеем в виду интересную статью т. Гуковского „Итальянские энциклопедии XII—XVI вв.“. (Труды Института книги, документа и письма, II).

замечаний относительно истории научной мысли в эпоху Возрождения, которые можно найти в „Диалектике природы“ Энгельса. Конечно, Ольшки совершенно не знаком с произведениями Энгельса. Он вряд ли даже слышал что-либо вразумительное о марксизме. Но это обстоятельство делает тем более симптоматичным совпадение значительной части его главнейших выводов с изысканиями Энгельса. Исторические факты говорят, очевидно, сами за себя.

Именно обильный фактический материал, извлеченный Ольшки из технической литературы Возрождения, привел его к стихийно-материалистическим установкам. Именно этот материал продиктовал в конце концов ту основную социологическую схему, исходя из которой Ольшки написал свое трехтомное исследование.

Основная социологическая установка всего труда Ольшки формулирована им самим в следующих словах: „Все предпринимавшиеся до сих пор попытки связать физику Галилея с перипатетическим и греко-гуманистическим естествознанием страдают одним роковым недостатком: они оставляют без внимания опыты прикладных наук, придавая значение лишь традициям чистой науки. Наша задача заключается в том, чтобы проследить за развитием техники, показать, какой вклад она внесла на протяжении столетий в чистую науку, и, наконец, выяснить, каково место Галилея в науке, в возрождении теоретического мышления... Основой для этого нам послужат наблюдения, которые люди практики накопили в постоянном тесном общении с природой и в критическом подходе к науке, чтобы указать ей в зависимости от потребностей жизни и духа те новые пути, которым она следует еще и по сей день.

Нетрудно установить, когда и где возникла эта традиция практических научных устремлений и где она слилась с традицией книжной науки, если исследовать литературную продукцию тех профессий, которые, будучи совершенно свободными от духа книжного мышления, полагали необходимым считаться как с наукой, так и с практикой, как с отвлеченными идеями, так и с фактами.

Действительно вышеуказанное накопление опыта, было... результатом деятельности людей, которые по своему призванию и в соответствии с предъявленными их современниками требованиями, находились в центре духовной и практической жизни, людей, которые чувствовали необходимость реализовать для практической жизни теологическую и филологическую деятельность схоластиков и гуманистов“¹.

Особое внимание Ольшки привлекает в этой связи деятельность художников. На первый взгляд это может показаться странным. Но тот, кто припомнит какую интегральную деятельность в эпоху Ренессанса должен был развивать художник, как многосторонни должны были быть его знания и навыки, тот сразу же поймет, почему именно из сферы искусства теоретическое мышление должно было получить первые ощутительные толчки, направившие его к новым задачам.

¹ Стр. 21.

Ольшки правильно указывает, что каковы бы ни были специфические особенности таланта начинающего художника, он вводился во все существующие отрасли искусства и техники. Специалистов живописцев, или скульпторов, или архитекторов в эпоху Возрождения не существовало, ибо каждый художник должен был быть и тем, и другим, и третьим. Мало того, художник эпохи Возрождения должен был быть инженером, обладающим не менее широким техническим диапазоном, чем его художественный диапазон. Естественно, что при таком положении именно художники должны были первыми поставить вопрос о теоретическом осмысливании тех технических проблем, которые выдвигало общественное развитие.

„В этой атмосфере политической и духовной независимости,—пишет Ольшки,—искусство, освободившись от своего традиционного теологического и церковного содержания, но сохранив свой религиозный характер, стало все более и более развиваться в сторону реализма и иллюзионизма, между тем как техника стала уделом стремившихся к славе и наживе людей практики. Стремление к реализму в искусстве, идеалом которого была правда жизни, соответствовавшая новому жизненному сознанию, заставляло экспериментирующих художников искать средств, с помощью которых можно было бы добиться в живописи „известного естественного и правдивого изображения“. Большие требования, предъявляемые к технике, заставили техников измыслить средства, чтобы с минимальной затратой силы и времени дать максимум творческого эффекта. На основе этих устремлений возникают попытки... достигнуть целей, которые были бы выражением новой жизни, путем применения математики к оптике и технике. Таким образом математика и оптика с перспективой, а также механика с техникой вышли из затворничества школьной науки в мир практики и стали уделом ряда поколений творящих и экспериментирующих мастеров, которые сделали науку общим достоянием всего мира и передали, со своей стороны, свой опыт как основу научного познания веку Галилея и Декарта. Недаром Галилей и Декарт в своей реформе теоретического мышления и в возрождении естественных наук исходили из математики, оптики и механики. История технической и научной прозы на народных языках показывает нам, как произошел этот переход от удовлетворения известных практических общественных потребностей к систематическому чисто научному мышлению и как наблюдение над природой и практическое экспериментирование развилось от дилетантизма к науке“¹.

Большой фактический материал, приводимый в книге, с полнейшей убедительностью показывает глубокую обоснованность этой схемы. В этом материале, прекрасно иллюстрирующем основной тезис исторического материализма (о том, что исторический материализм существует, Ольшки, как мы уже сказали, повидимому, даже не слышал), утверждающий зависимость идеологии от условий общественного производства, заключается главная ценность книги

¹ Стр. 22.

немецкого исследователя, целиком оправдывающая издание ее на русском языке. Хотя анализ приводимого им материала и заставляет часто желать лучшего, значение последнего от этого отнюдь не уменьшается.

Мы не будем останавливаться на деталях работы Ольшки, хотя многие из них достаточно интересны¹. Подчеркнем только один момент, касающийся специально вопроса о роли техники, и именно— военной техники.

Первоначально, теоретические проблемы, связанные с военной техникой, были поставлены художниками. Занимаясь ех professo военной архитектурой, они должны были исследовать такие вопросы, как закономерность, связывающая длину, диаметр и толщину стенок орудий, отношения между количеством пороха и весом снаряда, траектории полета снарядов, силу взрыва, углы максимальной дальности полета, силу сопротивления крепостных стен ударам ядра, наиболее эффективные формы оборонительных сооружений, топографические вопросы, проблемы испытания материалов и т. п. Постепенно с ростом дифференциации труда и большим усложнением вопросов, относящихся к технике военного дела, разработка всех подобных проблем начала переходить в руки военных специалистов, привлечших к обсуждению их теоретиков и математиков. В результате, как справедливо указывает Ольшки, „задачи, которые решались в XV веке художниками изобразительных искусств с помощью недостаточных средств, достались в XVI веке на долю ученых и исследователей. Открытие законов падения находится, как можно видеть из более поздних трудов, в более тесной связи с войнами против турок, чем с происшедшими почти в то же время открытиями древних рукописей. Достаточно вспомнить для этого труды Стевина и Галилея об искусстве сооружения укреплений, их деятельность в качестве инженеров по гидротехническим сооружениям и по сооружениям крепостей и в качестве теоретических советников при построении военных машин“².

¹ Впрочем, на одну из них мы укажем. „Художник, желающий подражать природе,—пишет Ольшки,—не должен знать патологических изменений человеческих членов и лечения их; он обязан изучить здоровое тело, а для этой цели не годились... („медицинские“ С. В.) трактаты... Ему оставалось обратиться только к непосредственному наблюдению. Впервые люди, животные и растения попали в поле зрения систематически исследующего глаза. Первым результатом этого одновременного изучения ученых трудов и живых явлений было констатирование недостаточности книжной науки и открытие постоянных противоречий между ученой литературой и действительностью... Художник... был побуждаем к тому, чтобы искать и собирать факты. Его богатством, которым распоряжалась его фантазия, был опыт. Но ученый давал ему теории, которые могли побудить его к самостоятельному мышлению, если он обладал пытливым взглядом исследователя...“ (Стр. 171—172).

Этот отрывок показывает, что, по мнению Ольшки, нормальная анатомия была обязана своим развитием в значительной мере именно деятельности художников. Хотя приводимые им в доказательство этого положения факты и не особенно убедительны, самая мысль, повидимому, совершенно верна. Надо добавить, что весьма влиятельное медицинское направление эпохи Ренессанса, избравшее своим знаменем Гиппократ, вообще считало изучение анатомии и физиологии несущественным, так как квалифицировало медицину не как науку, а как искусство.

² Стр. 273.

Особенно интересны в этой связи те данные, которые сообщает Ольшки о деятельности Франческо ди-Джорджо, Леонардо да-Винчи, Альбрехта Дюрера, Никколо Тартальи и Галилея. На этих именах можно проследить, как постепенно эволюционировала постановка проблем военного искусства и военной техники, т. е. как от эмпирической разработки их художниками совершается переход к специфически инженерной трактовке их Тартальей, и теоретическому разрешению их в принципах динамики Галилея. Ольшки замечает по этому поводу (в связи с анализом работ Тартальи): „Стало тривиальностью, что война обогащает и совершенствует технические изобретения людей; но она редко, или, пожалуй, даже никогда так решительно не содействовала теоретическому познанию, как в этот раз“¹. И эта оценка представляется нам совершенно правильной. В частности, именно баллистические проблемы впервые заставили теоретическую мысль заняться кинематическими и динамическими вопросами. До широкого распространения огнестрельного оружия мышление теоретиков механики вращалось исключительно вокруг проблем статики. О том же, какое влияние оказало развитие динамики на эволюцию астрономического, а вслед за ним и философского мировоззрения, мы считаем здесь излишним распространяться.

Не менее интересен приводимый Ольшки обильный материал относительно эволюции гидродинамики. Замечание Энгельса о том, что вся гидродинамика своими историческими корнями уходит в необходимость регулирования вод в горных потоках Италии, получает здесь огромный арсенал фактов для своего подкрепления.

Повторяем еще раз: исключительная ценность исследования Ольшки заключается в поистине грандиозном фактическом материале, богато иллюстрирующем общее положение теории исторического материализма о зависимости развития науки от задач и потребностей технического развития. Ни один материалист-диалектик, интересующийся вопросами истории естествознания, не сможет пройти мимо работы немецкого исследователя. В этом мы и видим главное основание для рекомендации книги русскому читателю.

Однако, как мы уже сказали в самом начале, достоинства работы Ольшки не должны закрывать читателю глаза на ее недостатки. А эти последние вытекают, главным образом, из эклектичности общего мировоззрения немецкого исследователя.

Каково философское *credo* нашего оригинального автора, литературоведа, трактующего проблемы истории естествознания? Признаемся, мы затрудняемся ответить на этот вопрос. Возвышенные и туманные тирады à la Шпенглер чередуются у него с сентенциями в духе Маха, позитивистские афоризмы сменяются комплиментами кантианско-риккартианского стиля. Кирпичики из Шпенглера, кантианцев, Маха и пр. склеиваются легким цементом собственной философской „интуиции“ и... постройка готова! В ней причудливо смешались всевозможные стили, часто совершенно несоизмеримые

¹ См. т. III этой же работы Ольшки.

друг с другом. Сколько-нибудь продуманной общей исторической схемы в книге нет. Как трудолюбивый муравей, Ольшки тащит отовсюду, мало заботясь о том, как приладить притащенное друг к другу. В результате получается масса недоразумений.

Впечатление „импрессионистичности“ от работы Ольшки, о котором мы упоминали вначале, остается, главным образом, в силу того, что немецкий исследователь не кладет в основу своей работы никакой целостной концепции эволюции европейского общества в эпоху Ренессанса. Экономическая история Западной Европы и, в частности, итальянских республик, остается для него книгой за семью печатями. Поэтому и логика того исторического процесса, часть которого он поставил своей задачей проследить, им не схвачена. В конце концов, его исследование превратилось в простой обзор части литературы эпохи Возрождения, написанной, правда, не в алфавитном, а в хронологическом порядке. Настоящей научной истории литературы тут нет, а есть лишь изложение содержания научной литературы. И это читатель должен иметь в виду.

Отсутствие каких бы то ни было указаний на факты экономической истории тесно связано у Ольшки и с отсутствием хотя бы самых робких и осторожных попыток дать набросок классовых взаимоотношений анализируемой им эпохи. Несмотря на то, что приводимый им материал часто вплотную подводит к проблемам классового анализа, несмотря на то, что соответствующие выводы как будто зачастую напрашиваются из фактов сами собою, Ольшки тщательно избегает даже просто постановки подобных неприятных вопросов. Все это значительно ослабляет и даже просто парализует ценность его работы.

Но этого мало. Выставив программу—проследить историю научных понятий в связи с историей языка—Ольшки, однако, оперирует понятиями как какой-то совершенно надъисторической категорией. Различный склад мышлений анализируемых им авторов ставит перед ним не ту проблему, которая естественно должна возникать—проблему общественной, исторической обусловленности форм и типов мышления, а совершенно иную. Немецкий автор, вместо того чтобы стать тут на историческую точку зрения, пытается создать какую-то незыблемую и вечную „типологию“ мышления, выражающую как бы „имманентную природу человеческого духа“.

Типология эта настолько любопытна и, как нам кажется, играет настолько важную роль в работе Ольшки, что мы приведем ее целиком, несмотря на солидные размеры выписки.

„Ясно,—пишет Ольшки,—что размышление о природе, чувство природы и познание природы первоначально совпадают и неотделимы друг от друга... Так же ясно должно было бы быть и то, что эмоциональное и интеллектуальное воззрения на природу взаимно исключают друг друга, когда возникает тот род исследования, при котором субъект исключается и воцаряется одна лишь объективность. Эмоциональное воззрение на природу порождает натура-